

Журан и жена - 1995 - 6-13 апр - 4/5

На обелиске братской могилы под Кировоградом в длинном перечне фамилий значится и его — **Василия Быкова**. Мать получила похоронку. А он — и такое бывало — остался жив. Тяжелораненый выполз из хаты, ее через несколько минут раздавит немецкий танк. Быкова подобрала санитары чужой части. После госпиталя — снова в строй, командовать взводом «сорокапятков» — пушчонок с комариным стволем, что выкатывали на прямую наводку против бронированных машин.

Начинал он, свежеспеченный лейтенант, командиром стрелкового взвода, «Ванькой-взводным», как называли этих офицеров, поднимающих солдат в атаку и первыми падавших от пуль. В обороне приходилось не слаще. «Батальонная цепь залегла в открытом, схваченном морозцем, беснежным поле, и танки, медленно продвигаясь, принялись методично выбивать ее, посылая в каждого бойца по снаряду — боеприпасов у них хватало».

Он, как и его сверстники-лейтенанты, пришел в литературу из войны. Но не сразу. Армия не спешила отпускать его из братских объятий. Демобилизовав в 1947 году, снова призвала в 1949-м, отправила на Курилы. Вынашивался план большой войны на Тихом океане, на Дальнем Востоке. Знаю это не со слов. В начале пятидесятых служил в одном из гарнизонов, неподалеку от Северной Кореи, не без нашей поддержки уже воевавшей с Южной.

вить подписать под гнусным письмом. С чекистской невзмутимостью он ответил: так надо.

Кому надо! Зачем лезешь в литературу! Ведь знаешь правду о партизанских отрядах!

Да, знает. Но это не та правда, которая нужна.

Еще после выхода повести «Мертвым не больно», как, впрочем, после других повестей, Быкова бранили: слишком сгустил, заострил, исказил. Он спрашивал: «А разве так не было!». Соглашались — бывало и похлеще. И незамедлительно железный довод: не вспоминать-то сейчас об этом зачем! Зачем об этом писать!

Поразительная логика, изначально отвергающая самоценность правды, оставляя за кем-то монопольное право ее дозировать, нарезать необходимыми в данную минуту кусочками.

Так не слишком оригинально считал и мой собеседник, мой бывший однополчанин.

Его рассуждения малоинтересны. Любопытным было разве что: нам все известно о настроениях Быкова, его друзей, об их разговорах. И еще: специалисты — литературные критики высказались в нужном духе.

И то, и другое подтвердилось. Мне неизвестен механизм, передающий волю Лубянки в редакционные кабинеты. [Напрямую присланные с фельдьегерем статьи с вымышленными подписями в редакциях называли «лубянскими пассажирами»].

Литературно-критические статьи против «Круглянского

ВИД С КРУГЛЯНСКОГО МОСТА

Сосредоточение советских войск на Дальнем Востоке (три округа) было настолько велико, что сомневаться в планах генералиссимуса не приходилось. Но генералиссимус умер, и от многих его «великих замыслов», суливших новые моря крови, пришлось отказаться. Дальний Восток охватила судорожная демобилизация. Так, почти через десять лет после победы, мы возвращались домой...

По наблюдениям литературоведов, о войне ее участники начинают писать лет эдак через десять после заключительных залпов. «Прощай, оружие!» Хемингуэя, «На Западном фронте без перемен» Ремарка, «Смерть героя» Олдингтона датирована 1929 годом. У нас к исходу послевоенного десятилетия установилась хрущевская «оттепель», позволившая отойти от батальонного канона. Не слишком далеко, но все же... Тогда-то и начался белорусский писатель Василий Быков. Первые рассказы, потом повести. «Наш опыт — опыт фронтовиков-окопников, сугубо солдатский опыт, который получили на войне миллионы», — скажет он, уже сделавший этот опыт достоянием новых поколений. Однако и сверстники нуждались в нем, в его осмыслении, и далеко не единодушно принимали вышедшее из-под пера своих вчерашних командиров взводов. За десять лет успели привыкнуть к слащавой лжи настолько, что она сделалась милее правды.

Вокруг повестей В. Быкова почти неизменно вспыхивали споры. Сплошь и рядом они инспирировались. Официальные идеологи знали свое дело. Быков был для них ненавистен. Его честность, нравственный максимализм выставляли в их глазах чуть ли не в угрозу советскому строю. Правда, на его защиту неизменно поднимались критики, ценившие быковское дарование: И. Золотуский, А. Бочаров, Л. Лазарев, И. Дедков.

Страсти особенно разгорелись, когда в 1969 году В. Быков написал первую свою партизанскую повесть — «Круглянский мост», заставившую задуматься над тем, что же такое война во вражеском тылу.

Вскоре после выхода повести «Огонек» напечатал, как и подобало в подобных случаях, письмо «возмущенных трудящихся». Сейчас в роли «трудящихся» выступали бывшие партизанские командиры. Среди них и полковник, которого я знал еще по 1941 году, когда мы вместе служили рядовыми в Особой бригаде разведчиков и диверсантов. Он был хорошим солдатом, стал командиром, а после войны продвигался по службе на Лубянку, и теперь носил звание не просто «полковник», но «полковник госбезопасности». [Второе слово под гневным письмом, естественно, отсутствовало].

Когда вскоре мы случайно встретились, я, не стесняясь, называя его по имени, спросил, как он мог поста-

моста» в «Литературной газете» печатались дважды. Скорее всего их автор не отдавал себе отчет в том, чье поручение исполняет, с каким ведомством совпадают его суждения.

Относительно же слежки за Быковым, его окружением, об атмосфере вынюхивания сам Василь расскажет уже в наши дни на страницах той же «Литературки». Его беседа с корреспондентом носит невеселое название: «Демократия улыбнулась Белоруссии. И ушла». Беседа помещена в номере от 22 июня 1944 года.

В этот знаменательный день, обращаясь уже к иностранному, то есть, русскому читателю, В. Быков объяснил: он уходит от Великой Отечественной войны, от партизанских дней и ночей. Государственное становление Беларуси побудило обратиться к 1920 году, когда Белорусская народная республика после недолгого существования в условиях немецкой, польской оккупации была в конце концов прикончена советскими войсками.

Нам, россиянам, слабо знающим собственную историю, ничего неизвестно об этих трагических событиях. Боюсь, белорусам известно немногим более, и Быков с упорством и страстью принялся копать и докопался до истории двух повстанческих бригад, противостоящих в ноябре — декабре 1920 года наступающей Красной Армии. Неравенство сил вынудило повстанцев перейти реку Лянь, на правом берегу их интернировали польские власти. Единственный батальон, оставшийся в советском тылу, был разгромлен. Финал этой истории — быковский рассказ «На Черных льдах». Семеро измученных, изголодавшихся мужчин ложатся в ими же вырытую могилу и поочередно пускают себе пулю в лоб. Не хватает одного патрона, и командир приказывает пятнадцатилетнему Володьке: «Живи!»

Однако ЧК лютовала настолько беспощадно, что добиралась до близких или помогавших повстанцам. Ничего хорошего не ждет и Володьку.

Приобщившийся к белорусской национальной идее и христианским ценностям, Быков чужд фанатизма и одержимости и хорошо сознает отличие своих новых воззрений от спекулятивного национализма записных патриотов. Его республика обрела суверенность, но до демократии и свободы ей далеко. А это — его идеалы на протяжении долгой и трудной писательской жизни.

Не посягая на независимость Беларуси, я, как и российские читатели, оставляю Василия Быкова своим, но отнюдь не «заграничным» писателем. То, что нас связывает, не имеет отношения к Беловежским решениям. У искусства свои границы, своя безграничность.

В. КАРДИН.